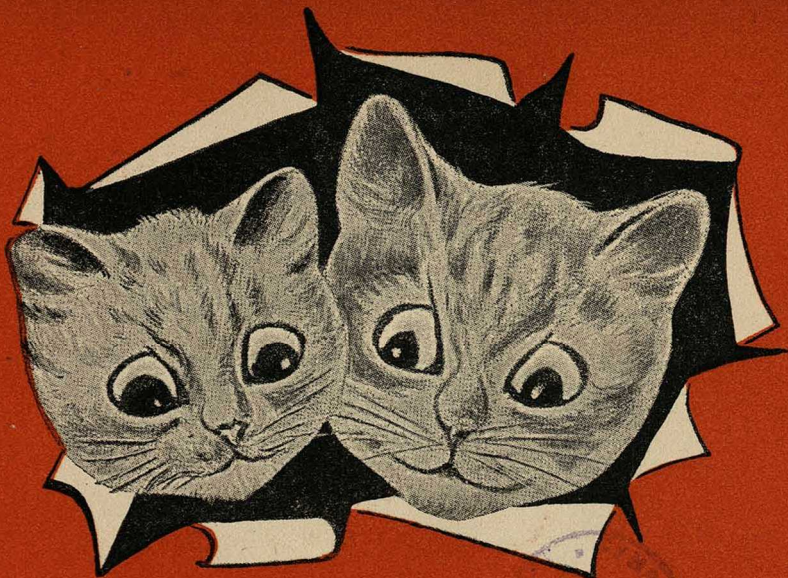

Ученымъ Комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія допущено въ употребленіе
библіотеки городскихъ училищъ.

45
10
Годъ изданія второй
ОКТАБРЬ.

№ 23.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВСТРѢЧА.
ВЪ МОЕМЪ САДУ.
ВЪ ПЕЩЕРѢ.
ОСЕННІЙ ДЕНЬ.
ПАСТУШОКЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Мебель для склеиванія. «Въ Смутное время»—историческій романъ (листъ 10-й).

Выкройки воротничковъ для дѣтей.

№ 23. Октябрь, 1909.

Годъ изданія II-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Бишка.

ВСТРѢЧА.

— Бабушка, милая, дорогая, расскажи намъ что-нибудь!

Бабушка сдвинула очки на лобъ и положила въ сторону свое вязанье.

— Что-же мнѣ вамъ, дѣтки, рассказать? спросила она.

Была осень, шелъ дождь и мы усѣлись вокругъ нашей добренькой бабушки и приготовились слушать.

— Расскажи намъ, бабушка, что-нибудь страшное... сказала сестра Маша. — Я очень люблю слушать страшное.

— Нѣтъ, возразилъ я.—Ты лучше расскажи намъ, бабушка, что-нибудь необыкновенное.

Бабушка сложила свое вязанье, положила его въ корзиночку, сняла со лба очки и убрала ихъ.

— Что-нибудь необыкновенное? переспросила бабушка. — Ну, хорошо, я расскажу вамъ нѣчто необыкновенное, но бывшее на самомъ дѣлѣ. Въ жизни вѣдь часто бываютъ такіе случаи, которые кажутся намъ совершенно невѣроятными событіями, а между тѣмъ они составляютъ собою самую обыкновенную быль. Ну, садитесь ко мнѣ поближе!

Мы всѣ придвинулись къ нашей бабушкѣ и она начала свою повѣсть.

— Это было сорокъ лѣтъ тому назадъ. Была темная, дождливая ночь, какія часто бываютъ осенью на берегу нашего Азовскаго моря.

Пробираясь сквозь туманъ, маленькій мальчикъ спѣшилъ куда-то вдоль берега по самому песку. На его лицѣ были написаны страхъ и отчаяніе. Каждую минуту онъ оборачивался назадъ, боясь погони. Волненіе усиливалось, вѣтеръ съ страшнымъ шумомъ носился по водной поверхности. Чайки, не смотря на темноту, оглашали воздухъ своими жалобными криками. Бѣдный мальчикъ спѣшилъ и жадными взорами всматривался въ огоньки, которые мерцали вдаль. Когда-же наконецъ онъ добѣжитъ до этой деревни?

Вдругъ онъ въ испугѣ остановился. Какая-то темная тѣнь бѣжала за нимъ по слѣдамъ. Онъ подумалъ, что уже погибъ. Навѣрное это былъ тотъ ужасный челоуѣкъ, котораго онъ такъ боялся, что отъ него убѣжалъ. Въ безсиліи мальчикъ упалъ на влажный песокъ. Въ смертельномъ страхѣ онъ не смѣлъ поднять глазъ, какъ вдругъ чье-то теплое дыханіе коснулось его пылавшихъ щекъ. Кто-то жалобно застоналъ надъ его головой: онъ открылъ глаза и увидалъ, что это былъ Шарикъ, его собака, его другъ, который такъ-же, какъ и онъ, попалъ къ недобрымъ людямъ.

Мальчикъ схватилъ его за лапы, поцѣловалъ его въ морду, а затѣмъ крѣпко прижалъ его къ своей груди.

— Теперь ужъ мы не разстанем-

ся съ тобой никогда, сказалъ онъ,— и если Богъ поможетъ мнѣ найти мою маму, то я буду беречь тебя до самой твоей старости.

Должно быть, собака поняла, что онъ говорилъ, потому что она бодро вскочила на ноги, потянула его за куртку, помогла ему встать и затѣмъ весело побѣжала впередъ, указывая ему дорогу.

Становилось темнѣе. Мальчикъ еле тащился и ноги его то и дѣло спотыкались о прибрежные камни. Но деревня была уже недалеко и, сдѣлавъ еще нѣсколько усилій, мальчикъ добрался наконецъ до первой хаты. Дотащившись до нея, онъ взялся за ручку двери, хотѣлъ ее отворить, но тутъ-же потерялъ сознание и лишился чувствъ.

Собака залаяла и на ея лай отворилась дверь. Вышелъ мужчина. При свѣтѣ огня, который горѣлъ внутри хаты, онъ увидалъ ребенка, лежавшаго на порогѣ, и около него его собаку, которая лизала ему руки и лицо. Человѣкъ этотъ поднялъ мальчика на руки и внесъ къ себѣ въ хату.

— Что тамъ? спросила его жена, сидѣвшая у печи.

— Да вотъ принесъ ребенка, отвѣтилъ онъ ей. — Нашелъ его у нашего порога безъ чувствъ...

— Господи, помилуй!.. перекрестилась женщина и встала ему на встрѣчу.—Такъ и есть... мальчикъ... Но почему это у него весь лобъ въ крови?..

И оба они занялись этимъ мальчикомъ, который насилу дотащился до ихъ порога и, падая безъ чувствъ, разшибъ себѣ о камень лобъ.

Они уложили его въ постель, дали ему нѣсколько капель водки и онъ скоро пришелъ въ себя. Оглядевшись, онъ замѣтилъ, что попалъ въ жилище къ рыбаку.

— Какъ тебя зовутъ? обратился къ нему рыбакъ.

— Петрушей, отвѣтилъ мальчикъ.

— Кто ты такой?

— Не знаю...

— Зачѣмъ ты бѣжалъ сюда въ такую бурную ночь?

— Я спасался... Я такъ несчастливъ!.. Меня такъ больно били, что я рѣшился бѣжать... Будьте такъ добры, не отдавайте меня имъ!..

— Кому имъ? Расскажи намъ все по порядку!

Мальчикъ оглянулся по сторонамъ, точно боялся, что его могутъ услышать другіе.

— Давно, когда я былъ еще совсемъ маленькимъ, у меня были мама и сестра. Я такъ хотѣлъ бы ихъ отыскать, но теперь я ихъ уже не узналъ-бы. Видите этотъ золотой крестъ у меня на шеѣ? Его надѣла на меня сама мама. Это все, что у меня осталось послѣ нея. Когда меня переодѣвали, то я снялъ этотъ крестъ съ себя и спряталъ, чтобы его у меня не отняли, и такъ и берегъ его до сихъ поръ. Я помню, какъ къ намъ въ Харьковъ пріѣхала ярмарка и какъ мама отпустила меня и няню

посмотрѣть на комедіантовъ.—Когда я остановился поглядѣть на обезьяну, которая ѣхала верхомъ на собаку, то пришло вдругъ много народу. Меня затерли, я отбился отъ няни, сталъ ее искать и наконецъ совершенно потерялъ ее въ толпѣ. Я сталъ плакать. Тогда какая-то грязная, черноволосая женщина подошла ко мнѣ, взяла меня на руки и насильно унесла меня къ себѣ. Это была цыганка, которая унесла меня въ свой таборъ, находившійся за городомъ. Съ меня сняли мой костюмчикъ и надѣли на меня какой-то грязный, старый костюмъ, который былъ для меня великъ. Затѣмъ меня стали учить пѣть пѣсни и танцевать вмѣстѣ съ медвѣдемъ, котораго тутъ же держали на цѣпи. Сперва я его очень боялся, но затѣмъ привыкъ. Такъ мы переходили потомъ изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку, при чемъ я пѣлъ пѣсни и танцевалъ съ медвѣдемъ, а нашъ хозяинъ-цыганъ обоихъ насъ билъ больно плетью и собиралъ съ публики деньги, которыя она уплачивала за наши танцы. Наконецъ мы пришли къ этому морю и раскинулись таборомъ на его берегу. Видя, что никого нѣтъ кругомъ и что будетъ буря и темная ночь, я рѣшился бѣжать отъ цыганъ и убѣжалъ. По дорогѣ меня догналъ мой Шарикъ, единственный мой другъ, котораго я нашелъ въ Чугуевѣ щеночкомъ и воспиталъ. Его точно такъ-же, какъ и меня, мои хозяева больно

били кнутомъ и онъ не хотѣлъ оставаться въ таборѣ одинъ и побѣжалъ за мною слѣдомъ. И вотъ мы оба добѣжали до васъ.

— Бѣдный мальчикъ! сказала жена рыбака.—Теперь ужъ ты не бойся! Мы не отдадимъ тебя никому.

Мальчикъ улыбнулся и двѣ слезы показались у него на глазахъ.

— Ты будешь жить у насъ, скажешь рыбаку,—мы выучимъ тебя ловить рыбу, ты будешь мнѣ помогать... А потомъ... потомъ—кто знаетъ?—быть можетъ, ты еще и найдешь свою мать! Спи съ Богомъ! Не бойся! Я не пущу къ тебѣ никакихъ цыганокъ.

И дѣйствительно, мальчикъ сдѣлался рыбакомъ, а цыгане, отъ которыхъ онъ убѣжалъ, поискавъ его немного, скоро уѣхали на какую-то другую ярмарку въ какой-то городъ.

Прошелъ годъ. Мальчикъ выросъ. Отъ морского вѣтра еще больше загорѣли его щеки, но, несмотря на это, въ чертахъ его лица стало замѣчаться что-то такое, что говорило объ его благородномъ происхожденіи. Рыбакъ и его жена часто переговаривались между собою и, вспоминая объ его матери, глубоко вздыхали.

Настала зима. Однажды рыбаку отправился съ Петрушей на рыбную ловлю по льду. Поѣхали они на лошади, въ саняхъ, вмѣстѣ съ другими рыбаками и привезли съ моря много рыбы. Такого лова не было уже давно. Когда они возвращались

съ ловли домой, то рыбакъ сидѣлъ на саняхъ и все думалъ, куда лучше повезти продавать рыбу, въ Ростовъ или въ Таганрогъ, и рѣшилъ ѣхать съ рыбой въ Ростовъ, тѣмъ болѣе, что у него тамъ училась въ гимназій племянница Катя, круглая сирота, дочь его сестры, которая была выдана туда замужъ за рыбаго торговца. Эту Катю взяла къ себѣ одна добрая бездѣтная помѣщица, которая постоянно жила въ Ростовѣ, и воспитывала ее, какъ родную дочь. Катя жила въ полномъ довольствѣ, какъ барышня, но, несмотря на это, также не забывала о своихъ дядѣ и тетѣ рыбакахъ и часто писала имъ письма. Такъ и теперь; когда рыбакъ съ Петрушей вернулись съ моря домой, то они нашли дома письмо отъ Кати. Она писала имъ, что у нихъ затѣвается любительскій спектакль, что она тоже играетъ, и что ей очень-бы хотѣлось, чтобы и дядя съ тетей пріѣхали посмотреть на нее, какъ она будетъ играть.

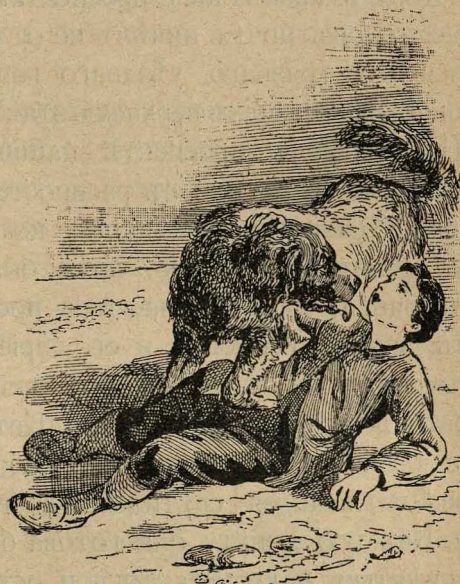
Рыбакъ любилъ Катю и очень обрадовался, что получилъ отъ нея письмо.

— Мы поѣдемъ съ тобой въ Ростовъ, обратился къ Петрушѣ рыбакъ.—Ты тамъ увидишь представленіе и познакомишься съ моей племянницей Катей.

Ѣхать въ городъ, видѣть спектакль! Глаза мальчика заблестали отъ радости. Онъ подбѣжалъ тотчасъ-же къ своему сундучку, досталъ оттуда свои праздничные куртку и

штаны и принялся ихъ чистить. Мужъ и жена смотрѣли на него и улыбались, глядя, какъ ему хотѣлось поѣхать въ городъ.

И больше въ тотъ день ни о чемъ не говорили, какъ о предстоящей поѣздкѣ въ Ростовъ. Съ обѣда и до самаго вечера собирались въ дорогу. Хозяйка взяла ножницы и подстригла рыбака, который достаточно

Это былъ Шарикъ.

уже обросъ волосами. Затѣмъ рыбакъ взялъ Петрушу. Они усѣлись въ сани и на ночь выѣхали въ городъ, чтобы до разсвѣта попасть съ рыбой на базаръ. По прибытіи въ городъ, Петруша такъ и рвался поскорѣ повидаться съ Катей, походить по городу и посмотреть спектакль.

— Подожди, сказалъ ему рыбакъ.—Прежде продадимъ рыбу, а потомъ ужъ и пойдёмъ, куда захотимъ.

Но вотъ ужъ рыба продана, они отвели лошадь на постоялый дворъ, умылись, одѣлись и отправились къ Катѣ. По дорогѣ они купили пряниковъ, — тогда конфетъ еще не было, — и понесли ихъ въ подарокъ. Катя съ своей пріемной матерью жили въ небольшомъ двухъ-этажномъ домѣ на Среднемъ проспектѣ. Хотя улицы въ то время въ Ростовѣ на Дону и назывались проспектами, но самъ онъ почти ничѣмъ не отличался отъ грязнаго уѣзднаго городишка. Жили они въ верхнемъ этажѣ.

На Среднемъ проспектѣ нашихъ путниковъ встрѣтили съ распростертыми объятіями. Помѣщица, которая воспитывала Катю, хотя была и дворянка, а не знала, гдѣ посадить простого рыбака и его пріемнаго сына. Такой-же ласковостью и простотой отличалась и сама Катя. Она была очень миловидна собой, рѣзва и глаза ея свѣтились добротой. Каждую минуту она готова была смѣяться и губы ея такъ и оставались немножко открытыми въ ожиданіи смѣха. Не прошло и дня, какъ Катя и Петруша близко сдружились между собой, тѣмъ болѣе, что дѣвочка искренно вѣрила въ то, что Петруша дѣйствительно доводится ей двоюроднымъ братомъ, а ее никто не старался въ этомъ разувѣрять.

Въ нижнемъ этажѣ того-же дома жила одна дама, ходившая всегда во всемъ черномъ. Она была вдова и пріѣхала изъ Харькова и жила вмѣстѣ со своей дочерью, дѣвочкой од-

нихъ лѣтъ съ Катей. Дѣвочку эту звали Липочкой и она во всемъ представляла собою полную противоположность Катѣ: всегда была спокойна, не смѣялась, имѣла задумчивые глаза и казалась для своихъ лѣтъ слишкомъ серьезной. Въ ней совершенно не было той способности быть настоящимъ ребенкомъ, которой такъ отличалась Катя. Ясно было, что все ея дѣтство протекло безъ радости и счастья.

Какъ-то обѣ эти дѣвочки встрѣтились у порога. Несмотря на всю разницу ихъ характеровъ, а можетъ быть и благодаря именно ей, онѣ сошлись и очень привязались потомъ другъ къ другу. Онѣ стали бывать одна у другой и чѣмъ больше замѣчалась между ними разница, тѣмъ больше онѣ любили другъ дружку. Катя, какъ я уже говорила вамъ, училась въ гимназій, а Липочку учили дома: у нея была гувернантка и кромѣ того къ ней ходила учительница, которая преподавала ей предметы. Вдова была богаче, чѣмъ помѣщица, и, повидимому, была знатнѣе.

Такъ вотъ у какихъ-то знакомыхъ Кати затѣяли любительскій спектакль. Спектакль этотъ устраивался съ благотворительной цѣлью, а потому билеты продавались за деньги. Въ качествѣ исполнительницы была приглашена и Катя, несмотря на то, что была еще гимназисткой. Она тотчасъ-же написала объ этомъ своему дядѣ-рыбаку и пригласила его

въ Ростовъ поглядѣть на нее, и лично сама сбѣгала внизъ къ Липочкѣ и вручила ей и ея мамѣ по билету. Липочка и ея мама долго отказывались, говорили, что у нихъ по комъ-то трауръ, но подѣ конецъ согласились.

Начались сборы. Такъ какъ послѣ спектакля предполагались танцы, то Катѣ сшили бѣлое платье. Ея звонкій, веселый смѣхъ сталъ теперь раздаваться съ утра до ночи. Она каждые полчаса повторяла свою роль и всякій разъ казалось, что она съ кѣмъ-то разговариваетъ или кого-то зоветъ. Петруша смотрѣлъ на нее и завидовалъ ей, что она будетъ играть.

Но вотъ спектакль сыграли, публика осталась очень довольна, долго хлопали въ ладоши и вызывали Катю и она была внѣ себя отъ радости. Затѣмъ помѣщица вышла къ ней за кулисы и одѣла ее въ бѣлое платье, чтобы она могла потанцевать. Раздвинули стулья, на которыхъ сидѣла публика, музыкантъ Адамчикъ заигралъ на скрипкѣ и танцы начались.

— Какъ жаль, сказала Катѣ помѣщица,—что ты не надѣла на шею крестикъ или медальонъ... Съ крестикомъ было-бы лучше!

Услышавъ эти слова, Петруша вытащилъ изъ-за шеи свой массивный золотой крестъ, который когда-то надѣла на него мать, и подалъ его Катѣ.

— Вотъ надѣнь, сказалъ онъ.— Это очень красивый крестъ!

Катя надѣла на себя крестъ, къ ней подошли ученики реального училища и она стала съ ними танцевать. Танцевала и Липочка и, кажется, это были ея первые публичные танцы за всю ея жизнь.

Натанцевавшись вдоволь и обмахиваясь вѣерами, Катя и Липочка взяли подѣ-руки и стали прохаживаться вдоль залы. Онѣ чувствовали себя наверху блаженства и лучшаго для нихъ не нужно было ничего.

Когда онѣ проходили мимо Липочкиной матери, то она взглянула на Катю и какъ-то странно вдругъ вспыхнула, а потомъ сразу поблѣднѣла и едва усидѣла на мѣстѣ. Дѣвочки отправились далѣе.

Катя въ это время смѣялась и что-то весело рассказывала Липочкѣ. Дама эта подошла къ ней и къ своей дочери и, держась рукою за грудь и тяжело дыша, строго спросила Катю:

— Откуда у тебя этотъ крестъ?

— Это мнѣ далъ мой двоюродный братъ Петя, просто и откровенно отвѣтила дѣвочка.

— Дай мнѣ крестъ сюда.

Катя сняла съ себя крестъ и подала его Липочкиной мамѣ.

Дрожащими руками дама взяла отъ нея крестъ, оглядѣла его со всѣхъ сторонъ и затѣмъ снова возвратила его Катѣ.

— Да, это онъ... сказала она.

Дѣвочки не поняли ее и такъ-же весело отошли отъ нея и стали продолжать свой разговоръ.

Затѣмъ снова заигралъ Адамчикъ и снова всѣ стали танцевать.

Во время танцевъ дама подошла къ Катѣ и взяла ее за руку.

— Гдѣ живетъ твой двоюродный братъ? спросила она ее.

лансье и потому только смотритъ на другихъ, какъ они танцуютъ!

Въ это время танцы прервались и Адамчикъ сталъ настраивать свою скрипку.

— Поди, дитя мое, обратилась къ

Помощница.

— Въ Княжевкѣ, отвѣтила Катя, — У моего дяди-рыбака Петренка.

— Мнѣ нужно его повидать... Какъ туда попасть?

— Да онъ здѣсь! радостно воскликнула Катя. — Онъ только не умѣетъ вовсе танцевать польку и

Катѣ дама, — и приведи ко мнѣ твоего двоюроднаго брата Петю. Я хочу съ нимъ говорить.

Дѣвочка пошла въ сосѣдную комнату и скоро привела съ собой Петрушу. Дама взглянула на него и еле могла сдержать себя, чтобы не вскрик-

нуть. Да, это онъ, ея сынъ, о которомъ она такъ долго плакала, котораго такъ долго и безуспѣшно искала и котораго нашла такимъ неожиданнымъ, чудеснымъ образомъ! Передъ ней стоялъ онъ, ея Петруша, комъ, каковъ теперь и Петруша! Она отводитъ его въ сторону, прячется съ нимъ за дверь и тутъ только даетъ просторъ своему материнскому чувству. Она обхватываетъ его руками, прижимаетъ его къ себѣ и

Сейчасъ начнется представленіе.

развѣ не при немъ былъ ея собственный золотой крестъ, который она получила еще отъ своей покойной матери?.. Но какъ онъ выросъ, какъ онъ напоминаетъ теперь своего покойнаго отца на томъ портретѣ, гдѣ онъ изображенъ такимъ-же мальчи-

начинаетъ цѣловать. А онъ плачетъ въ три ручья и только говоритъ:— «Мама! Мама! Слава Богу! Наконецъ-то ты нашлась!» Всѣ тотчасъ-же перестаютъ танцевать, подбѣгаютъ къ нимъ, узнаютъ, въ чемъ дѣло, и начинаютъ ихъ поздравлять.

Затѣмъ Липочка, Петруша и ихъ мать уѣзжаютъ къ себѣ домой. Они садятся въ столовой за столъ и Петруша начинаетъ имъ рассказывать свои приключенія. Уже поздно. Часы бьютъ уже два, а они все никакъ не могутъ разстаться и все говорятъ и говорятъ. Мать и дочь не могутъ наглядѣться на своего возвратившагося сына и брата и его слова кажутся имъ музыкой, которой они не наслаждаются никогда.

Затѣмъ они собираются въ путь, въ ту рыбацью деревню, гдѣ Петруша нашелъ себѣ у добрыхъ людей пріютъ, и возвращаются въ городъ уже всѣ вмѣстѣ. Рыбакъ и его жена поселяются въ городѣ навсегда и Петруша и его мать считаютъ ихъ своими близкими родными и помогаютъ имъ открыть свою рыбную торговлю. А между тѣмъ дружба между Липочкой и Катей становится еще тѣснѣе и Липочка начинаетъ смѣяться такъ, какъ не смѣялась еще никогда.

.....

ВЪ МОЕМЪ САДУ.

Въ моемъ саду левкой цвѣтетъ
И грядки длинныя душистой метеолы,
И цѣлый день надъ ней кружатся пчелы,
Изъ чашечекъ цвѣтовъ собирая сладкій медъ.

Въ моемъ саду березокъ стройный рядъ...
Какъ хороши онѣ, омытыя дождями,
Когда пройдетъ гроза и капли межъ вѣтвями
Блестящими алмазами горять!

Бабушка оканчиваетъ свой рассказъ, часы бьютъ девять и няня зоветъ насъ спать. На дворѣ попрежнему идетъ дождь, воютъ собаки и осень не хочетъ уступать своихъ правъ зимѣ. Мы не можемъ подняться со своихъ мѣстъ, все еще продолжаемъ сидѣть вокругъ милой старушки и передъ нашими глазами встаютъ цыгане, Петруша и его мать, намъ ласково смѣются въ темнотѣ глазки Кати и передъ нашими мысленными очами встаютъ картины бури, пустыннаго берега моря и одинокой фигуры мальчика, бѣжавшаго, куда глядѣли его глаза.

— Идите-же, дѣти, спать! снова раздается голосъ няни.

Мы поднимаемся со своихъ мѣстъ, прощаемся съ бабушкой и нехотя отправляемся въ постельки.

А за стѣной еще долго воетъ непогода и идетъ частый, надоѣдливый дождь.

М. Ф.

Въ моемъ саду, прозрачны и легки,
Летають паутинки межъ стволами,
Ихъ солнце золотитъ янтарными лучами,
Порхаютъ пестрые подъ ними мотыльки.

Приди въ мой садъ!.. Тебѣ я покажу
Стрекозъ, кузнечиковъ, въ травѣ жуковъ цвѣтистыхъ
И бабочекъ нарядно-бархатистыхъ,
Букетъ изъ георгинъ тебѣ я соберу.

Когда-жъ начнетъ темнѣть и спать начнутъ ложиться
И птички нѣжныя, и бабочки, и смолкнутъ всѣ жуки,
Тогда свои фонарики зажгутъ намъ свѣтлячки.
Чтобъ въ темнотѣ съ дороги намъ не сбиться.

Придешь? Такъ помни-же тотъ садъ,
Гдѣ грядка длинная душистой метеолы,
Гдѣ пахнетъ такъ левкой, жужжать гдѣ пчелы
И гдѣ березки выстроились въ рядъ.

Е. Селунская.

ВЪ ПЕЩЕРѢ.

Няня подошла къ отчаянно кричавшему младенцу, взяла его на руки и стала успокаивать. Отецъ съ тяжелымъ вздохомъ вышелъ изъ дѣтской.

— Бѣдный мой мальчикъ... сказала няня. — У тебя нѣтъ мамы. — Она умерла. Ну, что-жъ? Я все сдѣлаю, чтобы замѣнить тебѣ мать.

Няня была женщина невысокаго роста съ добрыми, ласковыми глазами. Поступивъ на мѣсто къ маленькому мальчику, котораго звали Гарольдомъ, она стала ухаживать за нимъ такъ,

какъ не могла-бы ухаживать за нимъ сама его родная мать.

Мальчикъ росъ, обожалъ свою няню и прибѣгалъ къ ней со всякимъ своимъ горемъ, съ каждою радостью. Они жили душа въ душу и оба отлично понимали другъ друга. Въ одномъ только няня казалась мальчику странной и непонятной: она блѣднѣла, когда онъ лазалъ по деревьямъ или по заборамъ, но молчала, не желая сдерживать его мужественнаго духа.

Гарольду пришло время учиться. Отецъ помѣстилъ его въ пансіонъ

при гимназіи. Ему было очень тяжело разставаться съ няней, а она чуть-ли не всю ночь простояла на колѣняхъ возлѣ его кровати, плакала и молилась за него.

Быстро промелькнули школьные годы. Гарольдъ окончилъ курсъ, вышелъ въ офицеры, но по-прежнему сохранилъ свою прежнюю привязанность къ нянѣ. Какъ только онъ былъ произведенъ въ офицеры и надѣлъ свой новенькій мундиръ, онъ тотчасъ-же побѣжалъ къ нянѣ.

— Хорошо, няня? весело спросилъ онъ ее.

Няня, которая теперь превратилась уже въ старушку, долго не могла оторвать отъ него глазъ и смотрѣла на него съ восторгомъ.

Затѣмъ Гарольдъ женился. Передъ свадьбой онъ привезъ свою невѣсту къ себѣ въ домъ и подвелъ ее прямо къ нянѣ. Сидѣвшая въ креслѣ старушка не успѣла встать, какъ молодая, стройная дѣвушка быстро подошла къ ней и опустилась передъ нею на колѣни.

— Благослови насъ, няня, обратился къ ней Гарольдъ.—Ты вѣдь намъ вторая мать.

Со слезами на глазахъ няня долго смотрѣла въ глаза молодой дѣвушки и затѣмъ поцѣловала ее въ лобъ.

— Какъ тебя зовутъ, дитя мое?—спросила она ее.

— Виолетта... отвѣтила дѣвушка.— Я буду любить тебя, няня, такъ-же, какъ и Гарольдъ.

Послѣ свадьбы Гарольдъ нанялъ небольшую дачу на берегу моря и вмѣстѣ съ Виолеттой и няней переѣхалъ туда на лѣто. Потянулись счастливые дни, въ которые всѣ трое не могли наглядѣться другъ на друга.

Невдалекѣ отъ дачи, въ скалистомъ берегу моря была пещера; эта пещера узкимъ проходомъ соединялась съ другой пещерой, а эта—съ третьей и такъ далѣе безъ конца. Во всѣ эти пещеры вливалось море и только по бокамъ, у самыхъ стѣнъ, была узенькая тропинка, по которой могъ ходить человѣкъ. Когда въ морѣ бывала буря, то вода въ пещерахъ поднималась, заливала собою эту тропинку и сообщеніе съ пещерами прекращалось. Тогда человѣку въ нихъ грозила неминуемая смерть. Въ ясную же погоду, когда на морѣ было тихо, путешествіе по пещерамъ было вполне безопасно и доставляло высокое наслажденіе.

Въ одно солнечное утро, встрѣтивъ няню, Гарольдъ сталъ упрашивать ее поѣхать покататься съ ними въ лодкѣ.

— Я и Виолетта хотимъ взять со-сѣдскихъ дѣтей, сказалъ онъ,—и показать имъ пещеры. Поѣдемъ съ нами!.. Или ты боишься, няня?

— Я всегда боялась моря, отвѣчала она,—но если ты такъ хочешь, то я поѣду съ вами.

Погода стояла чудная. Солнце весело сіяло на безоблачномъ небѣ. Со всѣхъ дачъ собрались дѣти и все общество размѣстилось въ двухъ лод-

кахъ: въ одну изъ нихъ, съ большими дѣтьми, сѣлъ самъ Гарольдъ, а въ другой помѣстились Віолетта съ маленькими дѣтьми и съ няней.

Подѣхавъ къ скалѣ, прямо въ лодкахъ вплыли въ пещеру. Вся компанія высадилась изъ нихъ на тропинку и дѣти вмѣстѣ съ Гарольдомъ и Віолеттой отправились осматривать всѣ пещеры. Лодки слѣдовали за ними по водѣ. Слабая ногами, боясь не поспѣть за ними, няня осталась одна въ первой пещерѣ на тропинкѣ и прислушивалась къ удалявшимся голосамъ.

— Пусть идутъ... сказала она.— Я только задержу ихъ... Они молодые, а я старуха. Я подожду ихъ и здѣсь.

Вдругъ она услышала голосъ стараго рыбака, управлявшаго лодкой Віолетты:

— Находятъ темныя тучи!.. Будетъ буря! Вернемся скорѣе домой, иначе мы погибнемъ!

Няня слышала, какъ Віолетта усадила свою компанію обратно въ лодку и поѣхала назадъ. Вода въ пещерахъ заколебалась и пронеслись по нимъ первыя волны. Запоздавшій Гарольдъ заторопилъ дѣтей, почти бросая ихъ въ сильно качавшуюся на безпокойныхъ волнахъ лодку. Затѣмъ онъ быстро проплылъ мимо няни и вслѣдъ за Віолеттой выѣхалъ изъ пещеръ наружу.

Когда обѣ лодки были близко уже отъ дачи, то Гарольдъ вспомнилъ о нянѣ.

— Віолетта! крикнулъ онъ,—няня съ тобой?

— Нѣтъ, слышался голосъ съ передовой лодки.—А развѣ она не у тебя?

У Гарольда волосы стали дыбомъ.

— Значитъ, мы ее забыли въ пещерахъ! крикнулъ онъ и вмѣстѣ съ дѣтьми повернулъ лодку обратно.

— Господинъ, обратился къ нему мальчикъ-рыбакъ, хозяинъ лодки.— Если мы сейчасъ вернемся въ пещеры, то мы всѣ погибнемъ. Дорога каждая минута!

— Что-же, ты думаешь, что я дамъ нянѣ утонуть? отвѣтилъ Гарольдъ.

И онъ, рискуя собой и дѣтьми, подѣхалъ уже къ самому входу въ пещеры. Еще два-три взмаха веслами и онъ будетъ уже внутри. Но море клокотало, какъ въ котлѣ, и поднялось уже настолько, что входъ въ пещеру былъ уже почти закрытъ. Если Гарольдъ вѣдетъ въ пещеру, то выѣхать изъ нея обратно лодкѣ будетъ ужъ нельзя.

Находясь одна, забытая всѣми, няня переживала всѣ муки безпредѣльнаго страха. Площадка, на которой она находилась, была еще довольно высоко надъ водой, и она стояла, прижавшись къ скалистой стѣнѣ, напрягая слухъ, чтобы услышать, не ѣдутъ ли къ ней на помощь. Послѣ цѣлой вѣчности, какъ ей показалось, она вдругъ страшно вздрогнула, услышавъ голосъ Гарольда, раздавшійся совсѣмъ близко отъ нея. Она поняла, что онъ вернулся, что онъ въ лодкѣ уже у самага входа въ пещеры, но

прежде, чѣмъ она успѣла крикнуть, она услышала отчаянный вопль мальчика-рыбака.

— Господинъ, говорилъ онъ. — Намъ грозитъ неминуемая смерть. Если вы выйдете изъ лодки, то вы погибли!

Она услышала также и возмущенный отвѣтъ Гарольда.

— Замолчи, мальчишка!.. Если она еще жива, то я рискну своею жизнью, чтобы ее спасти!

Съ быстротою молніи няня поняла все... Если Гарольдъ узнаетъ, что она еще жива, что она здѣсь, то онъ рискнетъ своею молодою, счастливою жизнью, чтобы спасти ее, и погибнетъ самъ. Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ!

— Няня! крикнулъ Гарольдъ изо всѣхъ силъ.—Няня! Ты здѣсь?

Она молчала. Съ минуту онъ слушалъ, но только завыванья вѣтра и моря отвѣчали ему. Онъ нагнулся, сталъ напрягать глаза, чтобы сквозь ставшее уже узкимъ отверстіе въ пещеру оглядѣть, нѣтъ-ли ея тамъ.

А въ слѣдующій затѣмъ моментъ вода поднялась настолько высоко, что закрыла собою входъ въ пещеру совсѣмъ. Такъ Гарольдъ и остался снаружи.

А няня?

Она стояла на колѣняхъ на каменной площадкѣ, вся съежившись и спрятавшись за выступомъ скалы, закрывъ лицо обѣими руками. Она молилась, чтобы Господь далъ ей силу выдержать и промолчать въ то время, какъ каждый нервъ трепеталъ

въ ней отъ желанья взглянуть въ послѣдній разъ на своего мальчика, отъ желанья крикнуть и позвать его на помощь.

Смерть витала надъ ней; она это знала, а она вѣдь всегда была трусихой и боялась всего; и теперь, когда она открыла глаза, ей показалось въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, что стѣны пещеры какъ-то закачались передъ ней.

Лодка должна уже была быть далеко въ это время; скоро Гарольдъ будетъ въ безопасности. Няня заставила себя вообразить радость молодыхъ супруговъ, когда они встрѣтятся опять на берегу. И тогда они увидятъ, что дѣйствительно забыли ее, но будетъ ужъ поздно идти ее спасать. Жестокія волны уже сдѣлаютъ свое дѣло.

Да... конецъ! Она спасла своего любимца. Теперь она должна быть мужественной. Дрожавшими руками она вытерла тихія слезы, собиравшіяся у нея на глазахъ и затемнявшія ей зрѣніе, и все еще, колѣнопреклоненная, обратилась съ молитвой къ Богу.

— Господи, Господи, какъ я боюсь... Дай мнѣ силы, научи меня, какъ надо умереть!

И помощь была ей послана. Блѣдному, дрожавшему лицу ея вернулось прежнее выраженіе мира и спокойствія: святая сила Бога подкрѣпила ея слабость.

На другой день, на разсвѣтѣ, когда убывала уже вода, измученный совѣстью, со впалыми отъ горя глазами, Га-

рольдъ сѣлъ въ лодку и помчался къ пещерѣ. Съ невѣроятной силой руки его ударили веслами по водѣ и лодка летѣла, какъ птица. Вотъ ужъ и входъ въ пещеру.

«Господи, молился онъ дордогой,— спаси мнѣ няню! Дай, чтобы она была еще жива!»

Онъ выплылъ въ пещеру, причалилъ лодку къ тропинкѣ и выльзши изъ нея, въ полумракѣ сталъ бродить вдоль стѣны. Что-то темное впереди привлекло его вниманіе. Онъ подошелъ поближе и вдругъ увидаль неподвижно лежавшее тѣло. Онъ бросился передъ нимъ на колѣни, потому что это была она, его няня, съ выраженіемъ торжественнаго спокойствія и нѣжности на красивомъ старческомъ лицѣ, лежавшая на пескѣ.

Онъ приподнялъ ее за голову, взялъ ее потомъ за руки и, приложивъ ухо къ ея груди, сталъ прислушиваться, не бьется-ли ея сердце.

Да, оно еще билось, это доброе нѣжное сердце! Его няня еще была жива!

Онъ нагнулся къ ней и громко крикнулъ:

— Няня! Очнись! Это я, я твой Гарольдъ!

Она чуть-чуть приподняла свои вѣки,—взглянула на него своими потухшими глазами и лицо ея вдругъ просіяло.

— Слава Богу... едва слышно произнесла она.—Ты еще живъ!..

Онъ схватилъ ее въ свои объятія, прижалъ ее къ сердцу и сталъ цѣловать ее въ глаза. А она мало-помалу приходила въ себя и наконецъ очнулась совсѣмъ.

Онъ положилъ ее въ лодку и, весело взмахнувъ веслами, выѣхалъ съ нею изъ пещеры.

Было тихо, море было спокойно, и, какъ зеркало, отражало въ себѣ голубое небо, ярко блиставшее солнце и береговья скалы.

Было спокойно и у Гарольда на душѣ.

По англійскому разсказу.

А. Кол—цова.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ.

Желтые листья на землю слетаютъ,
Носить ихъ вѣтеръ, по саду мететъ,
Всюду тоскливо, цвѣты увядаютъ,
Осень къ намъ, осень съ дождями
идетъ.

Въ небѣ высоко станицами мчатся
Птицы къ далекимъ, но теплымъ
краямъ...

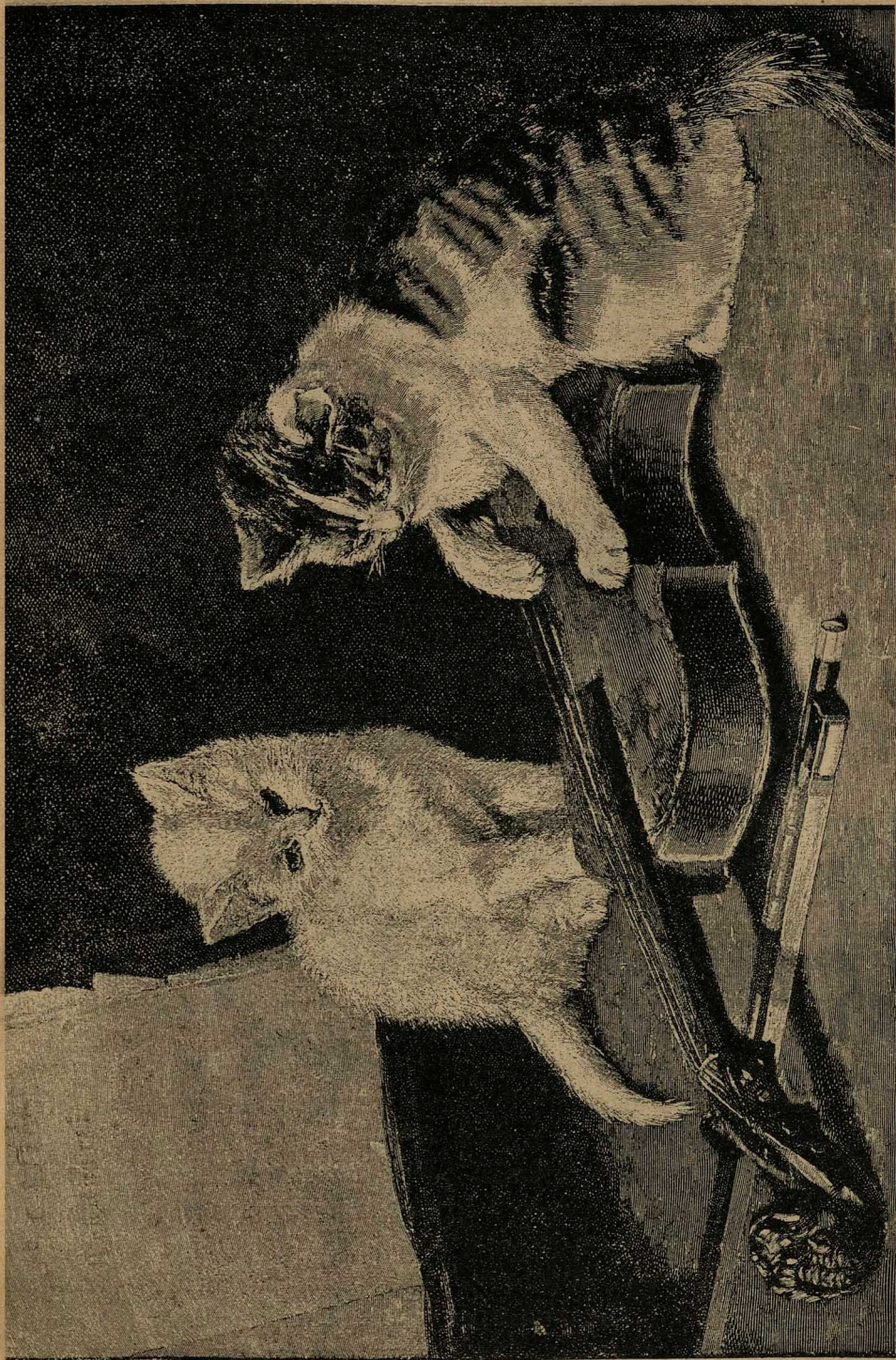
Вѣтру привольно... Теперь разгуляться
Можетъ легко онъ по сжатымъ
полямъ.

Солнце ужъ низко встаетъ за горою,
Часто на землю ложится туманъ...
Холодно... Вѣтъ ненастной порою,
Грустно кричитъ журавлей караванъ...

Л. Аркатовъ.

Выкармливаніе тигрѣнка молокомъ.

Музыканты.

ПАСТУШОКЪ.

Его звали Ефимомъ, но такъ какъ онъ былъ очень малъ для своихъ двѣнадцати лѣтъ и очень походилъ лицомъ на дѣвочку, то его прозвали Фимой. Онъ былъ сирота, его выкормила его тетка, а затѣмъ его отдали въ пастухи. Онъ былъ очень нѣженъ сердцемъ, любилъ природу и когда пасъ у опушки лѣса овецъ, то любилъ слушать соловьевъ, слѣдилъ за полетомъ насѣкомыхъ и радовался ласковымъ лучамъ солнца. Лѣтомъ, когда на поляхъ ростъ хлѣбъ, онъ часто угонялъ своихъ овецъ далеко отъ деревни, чтобы онѣ не причинили вреда, и ночевалъ въ шалашѣ изъ еловыхъ вѣтокъ, который устраивалъ самъ. Сюда къ нему приносили сразу на нѣсколько дней ѣду, и онъ не показывался у себя въ деревнѣ по цѣлымъ недѣлямъ.

Такъ онъ проводилъ дни и ночи одинъ, подъ открытымъ небомъ, въ обществѣ своихъ овецъ и двухъ собакъ, которыя стерегли его стадо. Часто онъ просыпался по ночамъ и, лежа на соломѣ, которая составляла его постель, смотрѣлъ на звѣздное небо, на луну, поднимавшуюся изъ за холма, и мечталъ. Овцы спали, тѣсно прижавшись одна къ другой, собаки лежали, чутко настороживъ уши, кругомъ было тихо и издалика доносились крики лягушекъ съ рѣки и пѣніе соловьевъ, и мальчикъ слу-

шалъ ихъ и никакъ не могъ наслушаться. Ему казалось, что онъ принадлежитъ всѣмъ живымъ существамъ въ мѣрѣ, а они принадлежатъ ему, и что если-бы сейчасъ вдругъ явился изъ лѣса волкъ или грозный медвѣдь, то они не сдѣлали-бы ему ничего, потому что ничего дурного не сдѣлали-бы имъ онъ самъ.

Однажды вечеромъ, когда онъ возвратился со стадомъ къ себѣ въ деревню, его дядя сказалъ ему:

— Завтра я поѣду въ городъ на ярмарку. Ты все время хорошо себя вель. Хочешь, я возьму тебя съ собою въ городъ?

— Мальчикъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Хочу, дяденька! отвѣтилъ онъ и просіялъ отъ радости.

Фима еще ни разу въ жизни не былъ въ городѣ и представлялъ его себѣ чѣмъ-то величественнымъ, прекраснымъ, полнымъ сладкихъ пряниковъ и конфетъ и заваленнымъ красивыми игрушками.

На слѣдующее утро, еще до восхода солнца, они выѣхали въ городъ. Прижавшись къ дядѣ и пожимаясь отъ утренняго холода, Фима улыбался себѣ въ шарфъ и сталъ считать минуты, когда они пріѣдутъ въ городъ.

На ярмаркѣ была уже масса народа, когда они пріѣхали, несмотря на ранній еще часъ утра. Двигавшаяся

толпа, лавки, палатки — все это поразило Фиму и городъ представился ему еще красивѣе, чѣмъ онъ его себѣ воображалъ. Онъ никогда въ жизни еще не видалъ такого множества народа. Боясь не потеряться, онъ робко слѣдовалъ за дядей, держась за его кафтанъ и то и дѣло оглядываясь по сторонамъ на игрушки и на разложенныя аппетитно сласти. Но скоро ярмарочный шумъ утомилъ его, такъ какъ онъ привыкъ жить въ ласковомъ молчаніи сельской природы, и ему сразу почему-то захотѣлось вдругъ домой.

— Видишь ты вотъ эти балаганы? обратился къ нему дядя.— Это комедіи. Здѣсь представляютъ комедіанты. Когда мы все закупимъ, то я сведу тебя туда ихъ посмотреть!

Мало-по-малу Фима привыкъ къ ярмарочному шуму и съ прежнимъ удовольствіемъ сталъ поглядывать на товары, разложенные то въ палаткахъ, а то прямо на рогожахъ на землѣ, и прислушиваться къ звукамъ гармоній и дудокъ, на которыхъ играли счастливыя, имѣвшіе возможность ихъ купить. Вотъ продаютъ ситцы, вотъ во всѣ стороны развѣваются по вѣтру яркія ленты, вотъ какой-то купецъ развертываетъ передъ покупщицей матерію, такую красную, что на нее больно присолнцѣсмотреть. А вотъ горшки, лопаты, вилы... Слышно, какъ гдѣ-то сбоку звонятъ колокола, которые пробуетъ какой-то батюшка для своей колокольни, и тутъ-же рядомъ жалостно мычитъ

скотъ, который привели продавать. И надъ всѣмъ этимъ раздаются смѣхи, голоса, а на балаганахъ звонятъ бубны, играютъ трубы и какой-то дуракъ, вымазавъ себѣ лицо мѣломъ, говоритъ какія-то глупости, на которыя публика отвѣчаетъ взрывомъ смѣха и валитъ къ нему въ балаганъ.

Но вотъ покупки уже кончены и дядя ведетъ Фиму въ балаганъ. Начинается представленіе. Ничего подобнаго Фима не видалъ еще никогда и смѣется неудержимо на всѣ выходки комедіантовъ, на ихъ остроты и на умѣнье такъ ловко бить другъ друга по щекамъ, что получившій пощечину, какъ мячикъ, отлетаетъ далеко въ сторону и затѣмъ въ свою очередь награждаетъ обидчика такую звонкою оплеухой, что звукъ ея слышится далеко за предѣлами балагана. Затѣмъ выводятъ живого медвѣдя. Онъ рычитъ, становится на заднія лапы и яростно поводитъ глазами. Еслибы дали ему волю, то онъ тотчасъ-же набросился-бы на своего жоака и разорвалъ-бы его на части.

— А онъ насъ не съѣстъ?.. робко спрашиваетъ Фима у дяди.

— Сиди ужъ!.. отвѣчаетъ ему дядя, и самъ побаиваясь порядкомъ медвѣдя.— Вѣдь ты не въ дикомъ лѣсу! Здѣсь городъ! Это тебѣ не деревня, гдѣ ты пасешь своихъ овецъ!

— А развѣ у насъ въ деревнѣ еще водятся медвѣди?

— Славу Богу, теперъ нѣтъ; а вотъ мой отецъ рассказывалъ мнѣ,

что какъ-то встрѣтилъ медвѣдя на томъ самомъ лугу у лѣса, гдѣ ты пасешь лѣтомъ овецъ.

Затѣмъ медвѣдя спускаютъ съ цѣпи и оставляютъ одного на свободѣ. Почувявъ, что его уже не стѣсняетъ ничто, медвѣдь оглядывается по сторонамъ и спокойно начинаетъ искать выхода. Онъ рычитъ и глаза его сверкаютъ огнемъ. Какъ вдругъ откуда-то сверху, прямо къ самой его мордѣ сваливается человѣкъ. Онъ быстро вскакиваетъ на ноги и изо всѣхъ силъ бьетъ изумленного медвѣдя хлыстомъ прямо по головѣ. Медвѣдь поднимается на заднія лапы и бросается на человѣка. Сейчас онъ его разорветъ!

У Фимы холодѣетъ подъ сердцемъ и онъ закрываетъ рукой глаза.

— Ты хочешь меня скушать? вдругъ раздается голосъ человѣка. — Сдѣлай одолженіе! Я очень вкусный. Только позволь мнѣ сначала поиграть тебѣ на дудочкѣ.

Человѣкъ вынимаетъ изъ-за сапога флейту и начинаетъ на ней играть. Заслышавъ звуки его музыки, медвѣдь успокаивается, перестаетъ рычать и начинаетъ весело танцовать. Со звонкимъ смѣхомъ человѣкъ тоже начинаетъ танцовать и постепенно направляется къ выходу. Медвѣдь слѣдуетъ за нимъ, какъ ручная собака.

Разинувъ ротъ, широко раскрывъ отъ удивленія глаза, Фима слушаетъ звуки флейты. Какой очаровательный инструментъ! Никогда еще въ жизни своей онъ не слышалъ такихъ

звуковъ. Они показались ему лучше пѣнія соловья, которое онъ считалъ самой лучшей музыкой на свѣтѣ.

— Какъ это хорошо! сказалъ онъ и боялся, какъ-бы музыкантъ не пересталъ скоро играть.

Но вотъ представленіе окончилось. Дядя вышелъ изъ балагана въ хорошемъ расположении духа и спросилъ Фиму, чего для него купить. Весь вспыхнувъ отъ радости, Фима сказалъ:

— Купи мнѣ, дядя, такую-же дудочку, на какой игралъ сейчасъ и этотъ человѣкъ!

Дядя засмѣялся.

— Дудочку? сказалъ онъ. — Да съумѣешь-ли ты на ней играть?

— Я научусь... отвѣтилъ Фима.

— Да вѣдь на такой дудкѣ научишься нескоро! Развѣ это такая дудка, какъ у нашихъ пастуховъ?

Но Фима стоялъ на своемъ и просилъ дядю купить ему именно дудку.

— Что-жъ, дѣло твое... отвѣтилъ дядя. — Не мнѣ играть, а тебѣ...

И они обошли всю ярмарку, отыскивая точно такую-же дудочку, но нигдѣ не могли ея найти. Тогда ихъ послали въ музыкальный магазинъ. Тамъ торговецъ предложилъ имъ маленькую дешевую флейту, дядя купилъ ее—и Фима былъ внѣ себя отъ радости. Онъ положилъ ее къ себѣ подъ рубашку на грудь и съ гордымъ видомъ, не чуя подъ собою ногъ, отправился вмѣстѣ съ дядей на постоянный дворъ, гдѣ стояли ихъ

лошадь и телѣга. Затѣмъ они поѣхали къ себѣ въ деревню домой.

Наступила осень, пришла и прошла затѣмъ зима и, съ первыми-же лучами весенняго солнца, Фима снова погналъ своихъ овецъ на пастбище. Какъ и въ прошломъ году, ласково свѣтило солнце, молча щипали овечки траву и издали доносилось пѣніе соловьевъ. Но теперь ему въ отвѣтъ уже тянулись другіе звуки, звуки флейты Фимы, который съ ранняго утра и до поздняго вечера упражнялся на своемъ инструментѣ. Теперь, когда съ нимъ была эта маленькая дудочка, которая могла издавать такіе сладкіе звуки, Фима ужъ не чувствовалъ себя одинокимъ и ему казалось, что и овцы стали прислушиваться къ его игрѣ, и соловьи стали пѣть звонче и лучше. По вечерамъ, когда надъ рѣкой поднимался туманъ, онъ уже не глядѣлъ молча на лѣсъ и поля и не мечталъ, какъ прежде, а садился у своего шалашика и долго-долго игралъ на своей флейтѣ. Вокругъ него трещали кузнечики, квакали лягушки и слышались попискиванія какихъ-то степныхъ звѣрковъ, но онъ ихъ уже не слышалъ, занятый своей игрой, и не замѣчалъ, какъ иногда, по ту сторону рѣки, появлялись темныя фигуры его деревенскихъ знакомыхъ, которые приходили его послушать.

— Славно играетъ нашъ Фимка!.. говорили они.— Даже за сердце хватаетъ!

Однажды послѣ полудня, когда

онъ лежалъ въ тѣни березы и не то спалъ, не то мечталъ, его разбудило вдругъ чье-то злобное рычанье и поднявшійся затѣмъ яростный лай его собакъ и жалобное блеянье овецъ. Онъ вскочилъ, протеръ глаза и, къ ужасу своему, увидѣлъ, что все его стадо пришло въ безпорядокъ, разбѣжалось, и громадный медвѣдь, покачиваясь изъ стороны въ сторону, шелъ прямо на него, вѣроятно желая схватить одну изъ овецъ.

При видѣ звѣря, полный испуга, Фима сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и приготовился бѣжать. Медвѣдь продолжалъ приближаться къ стаду, а овцы то въ испугѣ громадились въ одну общую тѣсную кучу, а то, какъ брызги, разлетались въ разныя стороны. Вдругъ медвѣдь бросился на подвернувшуюся ему овцу, разодралъ ее и, несмотря на яростный лай собакъ, тутъ-же сталъ ее пожирать.

Фима поблѣднѣлъ. Бѣдная овечка! Что теперь скажетъ его дядя? Проститъ-ли онъ ему то, что онъ не доглядѣлъ овецъ? И какъ теперь собрать все стадо, какъ уберечь его отъ будущихъ нападеній медвѣдя?

И, позабывъ свой страхъ, Фима схватилъ палку и бросился прямо на звѣря.

Увидѣвъ мальчика, медвѣдь остановился, страшно заревѣлъ, бросилъ свою добычу и, ставъ на заднія лапы, направился прямо на Фиму. Мальчикъ испугался и отступилъ назадъ. Что онъ могъ сдѣлать противъ та-

кого громаднаго животнаго? Онъ былъ только одинъ, имѣлъ при себѣ всего только одну небольшую тонкую палку, а медвѣдь однимъ ударомъ своей могучей лапы могъ положить его на мѣстѣ. Оставалось только бѣжать.

Фима оглянулся по сторонамъ, желая найти мѣсто, куда-бы укрыться, но было уже поздно. Медвѣдь уже понялъ все превосходство своего положенія и приготовился броситься на Фиму. Фима выронилъ изъ рукъ палку и въ ужасѣ побѣжалъ отъ него прочь. Медвѣдь бросился вслѣдъ за нимъ. Внѣ себя отъ страха, Фима побѣжалъ къ лѣсу, перепрыгнулъ канаву, вбѣжалъ въ него и, то зацѣпляясь о корни ногами и падая черезъ нихъ, то поднимаясь, мчался, что было силъ, и все время чувствовалъ, что вотъ-вотъ силы оставятъ его и его настигнетъ медвѣдь.

Но вотъ передъ Фимой оврагъ. По дну его, съ камешка на камешекъ, бѣжитъ ручей... Еле дыша, мальчикъ добѣгаетъ до края его. Перепрыгнуть черезъ него? Но развѣ это возможно? Броситься сверху внизъ? Но развѣ и тамъ не ожидаетъ Фиму смерть? А медвѣдь уже близко: вотъ онъ уже готовъ протянуть къ нему свои лапы, схватить его и растерзать. Неужели Фима погибъ? Спереди медвѣдь, позади—глубокой, обрывистый оврагъ, и Фимѣ не остается больше ничего, какъ покорно встрѣтить смерть и со смиреніемъ ожидать медвѣдя. И, полный отчаянія, весь похолодѣвъ отъ ужаса, онъ собирается съ послѣд-

ними силами и лѣзетъ на дерево, которое растетъ у самаго берега оврага.

Да и пора! Медвѣдь уже близко; вотъ онъ уже у подошвы дерева и касается лапами его нижнихъ вѣтвей. Почувствовавъ себя въ безопасности и позабывъ, что медвѣди умѣютъ лазать по деревьямъ такъ же хорошо, какъ человекъ, Фима съ облегченіемъ глубоко вздыхаетъ. Теперь онъ спасенъ!

Медвѣдь садится у самаго дерева и начинаетъ смотрѣть на свою ускользнувшую добычу. Фимѣ кажется, что онъ будетъ сидѣть такъ еще долго, до тѣхъ самыхъ поръ, пока голодъ и жажда не принудятъ его слѣзть съ дерева и добровольно отдаться медвѣдю. А онъ все сидитъ и сидитъ. Затѣмъ онъ теряетъ терпѣніе и начинаетъ и самъ взбираться на дерево.

Фима чувствуетъ, какъ холодѣетъ у него отъ страха сердце и начинаютъ дрожать всѣ его члены. Теперь уже онъ окончательно погибъ. Какъ-бы высоко онъ ни взобрался на вершину дерева, медвѣдь, все равно, доберется до него, стащитъ его съ вѣтвей и сброситъ внизъ и заѣстъ. Что остается дѣлать? Обхвативши обѣими руками и ногами стволъ, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ, весь блѣдный, какъ полотно, Фима сталъ ожидать, когда доползетъ до него медвѣдь. И вдругъ странная мысль пришла ему въ голову! Онъ позабылъ о своей флейтѣ. Почему-бы ему не поиграть на ней теперь?

Онъ взобрался на самую вершину дерева, уцѣпился за нее ногами, насколько хватало силъ, и, призвавъ къ себѣ все свое самообладаніе, досталъ флейту и сталъ на ней играть...

Онъ игралъ, что пришло ему въ голову. Теперь, въ этотъ страшный моментъ его жизни, когда отъ его музыки зависѣло самое его существованіе, онъ игралъ такъ, какъ не игралъ еще никогда. Въ эти свои звуки онъ вложилъ все свое безграничное желаніе жить, возвратиться опять къ своему мирному стаду, къ своимъ собакамъ, рѣчкѣ, къ тихимъ, молчаливымъ лугамъ и къ блѣднымъ звѣздочкамъ, робко мигавшимъ ему съ высоты лѣтнихъ, задумчивыхъ небесъ въ тѣ ночи, когда онъ не спалъ.

Медвѣдь остановился. Переставъ лѣзть далѣе, онъ началъ слушать. Онъ смотрѣлъ на Фиму своими черными глазами, въ которыхъ теперь, уже не свѣтилось больше злобы. Казалось, онъ былъ очарованъ звуками и вдругъ сталъ въ тактъ покачивать вправо и влево своей огромной головой. Затѣмъ медленно онъ сталъ сползать съ дерева обратно на землю, всталъ на травѣ на заднія лапы и, къ удивленію Фимы, началъ танцовать...

Набравшись храбрости, Фима, въ свою очередь, слѣзъ съ дерева на землю и, продолжая играть на своей дудочкѣ, сталъ медленно удаляться отъ оврага. Медвѣдь, танцуя, такъ же медленно послѣдовалъ за нимъ. Теперь онъ шелъ за нимъ, какъ по-

слушная собака, покачивая въ тактъ своей головой и неуклюже перебирая ногами. А Фима все шель и шель.

Но вотъ ужъ деревня... Изъ нея выбѣгаютъ люди и видятъ странную картину: впереди идетъ ихъ пастушокъ Фима и играетъ на флейтѣ, а за нимъ бредетъ грузная фигура медвѣдя и неуклюже танцуетъ... Они бросаются на медвѣдя, наваливаются на него со всѣхъ сторонъ, связываютъ его и сажаютъ на цѣпь. Фима чувствуетъ себя свободнымъ и въ попыхахъ рассказываетъ имъ все, что ему пришлось пережить. Они удивляются ему, поздравляютъ его и просятъ его рассказать имъ его исторію еще разъ и еще...

Вслѣдъ затѣмъ прибѣгаютъ какіето еще другіе, совсѣмъ не знакомые люди. Они бриты и одѣты въ поношенныхъ пиджакахъ. Они блѣдны и лица ихъ искажены усталостью и страхомъ.

Это—комедіанты.

Они ѣхали въ сосѣдній городъ на ярмарку, везли своего ученаго медвѣдя, того самаго, котораго когда-то видѣлъ въ балаганѣ Фима, и онъ отъ нихъ дорогой убѣжалъ. Почувявъ близко овецъ, медвѣдь бросился на стадо Фимы, а затѣмъ и на него самого.

И-если-бы Фима не умѣлъ играть на флейтѣ, а медвѣдь не былъ-бы наученъ танцовать подъ ея звуки, то Фима вѣроятно не остался-бы въ живыхъ.

Комедианты взяли своего медвѣдя и увели его съ собой, а пастушокъ Фима по-прежнему пасетъ свое стадо и играетъ ему на своей дудочкѣ. Ча-

сто къ нему приходятъ изъ его деревни крестьяне и съ удовольствіемъ слушаютъ его музыку.

Маркъ Соньє.

Разгадка ребуса № 11, помѣщенного въ № 21 «Золотою Дѣтства».

Часть + томы + с + в + о и ми + по + ступка + ми подъ а + емъ д + урны + е при + мѣры = часто мы своими поступками подаемъ дурные примѣры.

Върмя рѣшенія этого ребуса и задачъ, помѣщенныхъ въ предыдущихъ №№ «Золотою Дѣтства», прислали: Вадимъ Шмурло со ст. Юргамышъ (Сибирской ж. д.), Допать Чернявскій изъ Хабаровска, Lydie Smirnoff изъ Парижа (Франція), Сережа Сомовъ—будущій адмиралъ—изъ Сеула въ Корей (Cogée, Seoul), Катя Красная Шапочка, Марина Петрова, Оля Алексѣева, Гордоша Ваксинъ, Шета Мякишева изъ Севастополя, Марфочка Морозовская, Андрюша Федотовъ—донской казачокъ, Вѣра и Надя фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Миля Вайнштейнъ изъ Алѣшекъ Клава Шатова и многіе другіе.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Эта уже предпоследній номеръ «Золотою Дѣтства» за текущій годъ. Не забудьте, что съ 1-го ноября начинается новый подписной годъ, съ новыми приложеніями, съ новымъ большимъ интереснымъ романомъ для дѣтей и съ массой рисунковъ и разсказовъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)
подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажы для склеиванія, литературныя и другія).
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.,
на полгода — 1 руб. 90 коп.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ — въ **Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3;** б) для городскихъ подписчиковъ — въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ЧАСТНАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ

К. Ѳ. ѲЕДОРОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПЕТ. СТ., Б. ГРЕБЕЦКАЯ, 12, СОБСТВЕННОЕ ЗДАНІЕ.

Всѣ **восемь** классовъ. Элементарная школа. Дѣтскій садъ.

Основательное изученіе новыхъ языковъ. Физическое и эстетическое развитіе учащихся. Изученіе математики и физики по программѣ мужскихъ гимназій. Латинскій языкъ (для желающихъ).

Окончившія VIII-й классъ получаютъ аттестатъ на званіе домашней учительницы или наставницы и право: 1) поступить на Высшіе Женскіе Курсы и 2) имѣть аттестатъ зрѣлости (для изучившихъ латинскій языкъ).

Пріемъ въ VIII-й классъ по аттестатамъ объ окончаніи гимназій или института — **безъ экзамена.**

Плата: отъ 60 руб. до 130 руб. въ годъ, въ VIII кл. — 150 руб. въ годъ
Подробности письменно по требованію.

Телефонъ 294—72.